

**ЗИНАИДА
ГИППИУС**

ДВА ЗВЕРЯ

Зинаида Николаевна Гиппиус

Два зверя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25904181

Аннотация

«Лежат они оба передо мною. Один зеленый – Скорпион („Северные цветы“, альманах), другой серый, Гриф (просто „Альманах“). Давно собирался о них поговорить – уже месяца два-три, как они вышли, – и прочел их давно, – да воздерживался: пожалуй, стал бы бранить. Бранить же их по меньшей мере бесполезно. „Сумасшествие! Кривлянье! Порнография! Безобразия!“ – только и слышишь, чуть зайдет речь о так называемых „декадентах“...»

Зинаида Гиппиус

Два зверя

Лежат они оба передо мною. Один зеленый – Скорпион («Северные цветы», альманах), другой серый, Гриф (просто «Альманах»). Давно собирался о них поговорить – уже месяца два-три, как они вышли, – и прочел их давно, – да воздерживался: пожалуй, стал бы бранить. Бранить же их по меньшей мере бесполезно. «Сумасшествие! Кривлянье! Порнография! Безобразие!» – только и слышишь, чуть зайдет речь о так называемых «декадентах». Старомодные слова! Их повторяют, и никто уже их не боится. Не спорю, кое-что в декадентстве способно возбудить досаду, и в досаде не выбираешь слов; но потому-то и надо сначала успокоиться, присмотреться, может быть, даже полюбить этих и не в меру презираемых и порой не в меру превозносимых людей, – только тогда и увидим, что они такое.

Оба альманаха изданы в Москве. Ни Скорпион, ни Гриф не могли бы родиться нигде, кроме Москвы. Странно, но несомненно, что декадентство московское хотя бы с петербургским почти ничего общего не имеет. В Петербурге оно, занесенное с Запада, западным и осталось – утомленным, утонченным, сероватым и быстро вянущим. Петербургские декаденты – зябкие, презрительные снобы, эстеты чистой воды. Они боятся нарушения каких-нибудь приличий, очень

держатся хорошего тона. Если иной, – случается, – разъярившись, начнет выкрикивать неподобающее, не брезгуя приемами плебейских «листочков», – то это уж разве выживший из декадентства. Тотчас же более молодые товарищи стараются затереть старческое шамканье – и все опять прилично, и мило, и серо, как петербургские улицы.

В Москве и улицы не те. Отчаянно звонят колокола в маленькой церкви где-нибудь на Маросейке, прыгает зеленый Ванька по рыжим ухабам, – а рядом высится белый-пребелый дом с длинными черными рогами и круглыми, как глаза вампира, окнами. В Москве декадентство – не одно убеждение, но часто и жизнь. Из чахлого западного ростка – здесь распустилась махровая, яркая, – грубоватая, пожалуй, – но родная роза. Декаденты, опираясь на всю мудрость прошедшего века, не только говорят: «Что мне изводится!» – но и делают, что им изводится, – и это хорошо, потому что тут есть какое-то движение, хотя бы и по ложному еще пути. Когда есть движение – есть и возможность развития, возможность найти настоящее, свое, не только взятое от более культурного Запада. Чужая культура к нам не прививается, мы тянемся к своей – хотя бы через варварские дорожки, полубессознательно; вот почему меня и радует грубая, варварская роза московского декадентства; это – невозможный, уродливый, но все-таки живой цветок; и ведь он – первый. Я верю, что многие из декадентов уже не удовлетворены им. А о тех, кто удовлетворен, – нечего жалеть. Они останутся на

месте. И ведь они никому не мешают!

Скорпион – старше Грифа, серьезнее и гораздо культурнее. В предисловии говорится: «Пора снова идти. Наши лица обращены вперед к будущему...» Хорошее желание! Но пока, если Скорпион и движется, – он достиг лишь известной дисгармонии. В последнем выпуске «Северных цветов» нет прежнего лада, унисона декадентства. И это большой шаг вперед! «Новые силы», на которые так надеется Скорпион, – очень стары, по-старому декадентствуют в непонятно-отвлеченном духе – им бы место скорее у Грифа. Но зато сами составители «Цветов» куда-то идут, ломаются, расширяются, дают место таким «старым» писателям, как Розанов, Минский (его речь, произнесенная на Религиозно-Философском собрании, однако, уж слишком дисгармонизирует с «новыми песнями» некоторых «новых» участников альманаха).

Наконец, в общей своей деятельности, как книгоиздательство – Скорпион совсем культурен и серьезен. Он любит то, чего у нас пока еще никто не любит, – книгу. Он издал По, Гамсуи, «Письма Пушкина», «Пушкин» (хронологические данные), Пшибышевского – издал красиво, заботливо, с любовью. В альманахах он помещает письма и ненапечатанные материалы старых писателей – Крылова, Тютчева. Эта любовь к литературе и спасает, вероятно, Скорпиона от печальной «гармонии» Грифа, который знать ничего не хочет, кроме собственной «неизведанности». «Жажда неизведанного томит нас», – кричит Гриф в предисловии. Грифу все рав-

но. Сейчас мы увидим, какие прекрасные неизведанности дал нам Гриф, а пока не могу удержаться, чтобы не пожалеть о скорпионских «Цветах», иные страницы которых никак нельзя отличить от грифских. Маленький Гофман, «новая сила», поет гимназические восхваления старым «магам, волшебникам» – Бальмонту и Брюсову, «склоняя голову» перед обоими. Шаловливый Макс Волошин подпрыгивает:

Прожито, – отжито, – вынуто, – выпито,
Ти-та-та... та-та-та... та-та-та... ти-та-та...

Несомненно талантливый Андрей Белый, уже давно прославленный в московской семье декадентов, но недошедший, недокисший, как недавно поставленная опара, – все пишет в стихах о «небесном шампанском», а в прозе пишет с цифрами; однако и цифры ничему не помогают:

2. Ястребов поднял бледно-христианское лицо.
3. Его уста стыли пунцовым изгибом.
4. Ястребов опустил просвещенное лицо...

И так все время, все то же – тоскливое, давно надоевшее «где-то, что-то и странно», без всякой возможности выпутаться.

Я рассеян, извиняюсь: последняя выдержка взята не из Скорпиона, а из Грифа; но ошибка не велика; и в Скорпионе тот же Андрей Белый и так же верей себе: «кто-то, куда-то, зачем-то пришел», – и вся вещь называется «Пришедший».

Как бы хорошо Андрею Белому почитать, поучиться, подождать печататься! Из недоокисшей опары не испечешь хорошего хлеба, а опара поставлена хорошая, надо только иметь терпение.

Да, обращаясь к «юным силам» – нельзя не перепутать Грифа со Скорпионом. Чем я виноват, что эта юность так единообразна и так... банальна? Банальность – печать проклятия чистых, самоудовлетворенных, недвижимых декадентов. Вот рассказ «Осень» – дамы-декадентки. Будь рассказ напечатай в «Ниве», «Севере» – никому бы и в голову не пришло, что тут «новая сила» стремится к неизведанному. Вот, послушайте.

«Он – был молод, еще верил в любовь», «сладко благоухали липы», «но скоро липы отцвели», «настали серые дождливые дни», «какая-то мучительная тоска прокралась ему в душу», и когда она спрашивала: «ты любишь меня?» – он уже «улыбался безжизненной улыбкой: твои поцелуи лгут»... «а ветер глухо хохотал над человеком, который поздней осенью тоскует о весенних цветах». И копчено. Точка. Над этой осенью не захохочут даже присяжные рецензенты, считающие своим долгом над декадентами хохотать. Увы, печать проклятия, банальности лежит и на самых даровитых «старых» декадентских писателях там, где они только декаденты, не ломаются, не меняются, прыгают на истоптанных местах. Много ее, утомительной, и у обоих «магов», у Бальмонта и у Валерия Брюсова, коренного московского декадента, ро-

дона начальника Гофманов, Соколовых, Рославлевых и других. Бальмонт еще более ровен, он поет «wie der Vogel»¹ с большой приятностью, порой увеселяя, а порою укачивая, убаюкивая читателя:

Ветер, ветер, ветер, ветер,
Что ты в ветках все шумишь?
Вольный ветер, ветер, ветер,
Пред тобой дрожит камыш,
Ветер, ветер, ветер, ветер...

Убаюканный, я опять не знаю, где Гриф, где Скорпион. Только смутно вижу кружащуюся на одном месте толпу с ее гордым вождем, волшебником и победителем Валерием Брюсовым. Почему ему подчинены все юные скорпионы, так же, как и юные грифы? Каким он им кажется? Я сплю – и в полусне повторяю тягучие длинные строки, которые сами складываются, вырастают из бальмонтовского «Ветра»:

Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!
Учитель, служитель священных преддверий!
Тебе поклонились, восторженно-чисты,
Купчихи, студенты, жида, гимназисты...
И, верности чуждый – и чуждый закона,
Ты Грифа ласкаешь, любя Скорпиона.
Но всех покоряя – ты вечно покорен,

¹ Как птица (нем.)

То красен – то зелен, то розов – то черен...
Ты соткан из сладких, как сны, недоверий,
Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!

Хочу остановиться – нет! Упорно поет, поет мне на ухо
какой-то молодой зверек хвалу прародителю московских де-
кадентов:

Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!
Тебе воспевают и гады, и звери.
Ты дерзко-смирнен – и томно преступен,
Ты явно желанен – и тайно-доступен.
Измена и верность – все мгла суеверий!
Тебе – открываются сразу все двери,
И сразу проникнуть умеешь во все ты,
О маг, о владыка, зверями воспетый,
О жрец дерзновенный московских мистерий,
Валерий, Валерий, Валерий, Валерий!

Однако надо же проснуться. Как усыпительно, как оту-
пительно порою действует буйно-веселое шаловливое мос-
ковское декадентство! Дай Бог, чтобы это была лишь рез-
вость молодости, чтобы не остался Гриф навсегда таким, как
теперь, по пословице: «Маленькая собачка до старости ще-
нок». Скорпион давно растет, потому так и неуклюж. Буду
рад, если в грядущих «Северных цветах» увижу еще больше
несоответствий и противоречий. Это надежда, что когда-ни-
будь, наконец, распухнет стройный, нежный и молитвен-

но-прекрасный цветок – последнего, действительно нового искусства.